

Аскриптив как речевой акт

В. В. Оглезнев, Национальный исследовательский Томский государственный университет
ogleznev82@mail.ru

В качестве основания для классификации речевых (иллокутивных) актов Джон Сёрл [1. С. 66-67] предлагает избрать иллокутивную цель и вытекающие из нее понятия: направление соответствия и выражаемые условия искренности. Это дает возможность утверждать о существовании следующих «базисных» иллокутивных актов [2. С. 181-188]: *репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации*.

Попробуем эксплицировать предлагаемые Сёрлом три «значимых» измерения речевых актов (иллокутивная цель, направление соответствия и условие искренности) у аскриптивных правовых высказываний. Итак, **иллокутивной целью аскриптива*** является возложение обязанности совершить определенное действие в будущем или следовать определенной линии поведения. Так аскриптивы схожи с сёрловскими *директивами*, но лишь по параметру иллокутивной целенаправленности. Произнося «Виновен», судья определяет не только *новый* правовой статус слушающего, но и возлагает на него определенные обязанности: претерпеть определенные отрицательные последствия, являющиеся для правонарушителя новой юридической обязанностью, которой не существовало до совершения противоправного деяния, и представляющие собой лишения личного, организационного либо имущественного характера.

Поскольку иллокутивная сила определяет то, как пропозициональное содержание иллокуции должно соотноситься с миром, Сёрл выделяет два направления соответствия: «слова к миру» (words-to-world) и «мир к словам» (world-to-words). Пример произнесения «Виновен» показывает, что *аскриптивы* имеют **направление соответствия** «мира к словам», как и у сёрловских *директивов* или *комиссивов*. Действительно, произнесение таких суждений как «*X* виновен в убийстве *Y*», «*X* и *Y* заключили договор», «*X* обязан платить налоги» и проч. свидетельствует о том, что мир *приспосабливается* к словам: у *X* и у *Y* после подобных произнесений появляются новые (правовые) состояния, которых не было прежде. При этом подобно сёрловским *декларациям* осуществление аскриптива устанавливает сам факт успешного проведения этого акта.

Особый интерес представляет экспликация третьего измерения *аскриптива* – **условия искренности**. Раскрывая содержание этого параметра речевого акта, Сёрл отмечает, что производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, касающееся этого пропозиционального содержания. Даже тогда, когда говорящий неискренен, когда он не имеет в действительности такого убеждения, желания, намерения, когда не испытывает сожаления или удовольствия, которое он выражает, тем не менее в ходе совершения своего речевого акта он выражает некоторое убеждение, желание, намерение, сожаление или удовольствие [2. С. 174]. Итак, возможно ли определить аскриптивы через условие искренности? Насколько применимо данное условие к аскриптивам? Так же как и у деклараций, у аскриптивов отсутствует направление искренности, поскольку невозможно сказать, что действия судьи, объявившего кого-то виновным, или рефери,

---

* Под «аскриптивом» здесь и далее понимается речевой акт в форме аскриптивного правового высказывания.

удалившего игрока с поля, были неискренними или он попусту лгал. Нельзя сказать «Я признаю Вас виновным в совершении преступления, но я лгу». Внеязыковые установления, конституирующие основания языка права, в дополнении к правилам естественного языка обуславливают специфику и успешность аскриптивов. Именно наличие таких установлений как нормы закона позволяют признавать виновным, налагать (юридические) обязанности, требовать совершения определенных действий и т.д.

Заимствуя символическую запись Сёрла, структуру аскриптивов можно представить следующим образом:

Аиц $\uparrow$ $\emptyset$ (С должен совершить А),

где Аиц – обозначение аскриптивной иллокутивной цели, $\uparrow$ – направление соответствия «мир к словам», $\emptyset$ – отсутствие условия искренности, а пропозициональное содержание указывает на то, что слушающий непременно должен совершить некое действие (в широком смысле): исполнить обязательство, претерпеть ограничения или обременения, нести ответственность и т.д., где С – слушающий, А – некий акт, который слушающий должен совершить.

Не вдаваясь в подробный анализ таксономии иллокутивных актов, отметим, что у аскриптивов больше общего с сёрловскими декларациями. Так же как и для деклараций, для аскриптивов требуется наличие внеязыковых установлений, необходимых для успешности данного типа речевого акта и постулирующих особое социальное положение, в котором находятся говорящий и слушающий. Нормы закона являются подобными установлениями: если судья успешно осуществляю (*аскрибирую*) акт обвинения (признание виновным), то Х становится обвиняемым. Причем нормы закона служат одновременно и залогом успешности осуществления данного акта, и основанием постулирования особого положения, которое занимают и говорящий и слушающий. Сёрл отмечает, что в декларациях сложно провести различие между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием [2. С. 185]. Однако в отношении аскриптивов подобных сложностей не возникает, поскольку их семантическая структура («Я признаю Вас виновным») благодаря внеязыковым установлениям отсылает к надлежащему субъекту говорения и соответствующему контексту, где возможно четко распознать и иллокутивную силу и пропозициональное содержание высказывания.

Это дает нам основания, с одной стороны, утверждать, что основой юридического языка являются аскриптивные правовые высказывания, а с другой – о появлении нового речевого акта с характерными особенностями.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6)

Литература

1. *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
2. *Сёрл Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 170-194.